

Ирина АПАТОВА

Сергей Виноградов любит повторять эту фразу. Как оказалось, французскую поговорку.

Наверное, рано или поздно хрестоматийно-русский вопрос "Что делать?" встает перед каждым артистом. Плыть ли дальше по течению репертуарного театра в вечном ожидании "своей" роли или резко сжечь мосты, пустившись в одиночное плавание?

Вот и новое название на афише скромно отметило фасад Театра кукол на Спартаковской (помещение, естественно, временное), промелькнуло в прессе — "Театральная компания Сергея Виноградова". В репертуаре пока что два спектакля — новорожденная "Машенька" по прозе В.Набокова и претерпевший злую редакцию "Коллекционер" Дж.Фаулза, поставленный Виноградовым еще в период его работы в Театре Романа Виктюка. Вокруг нового сценического детища шума пока нет, отсутствует и зазывная реклама. И вновь вопрос, от которого не уйти: зачем артисту все это нужно?

Отмотаем немного назад киноленту не столь еще долгой творческой судьбы Виноградова. Внешне — вполне благополучной и тем не менее парадоксальной. Виноградов вообще решил сначала поверить алгеброй гармонию и прилежно отучился в Московском авиационном институте по специальности "Динамика и управление полетом" (по иронии судьбы, именно этим он сейчас и занимается, только на Земле). Параллельно играл в студенческом театре. Завершился же этот подготовительный этап окончанием Щукинского училища. Из ряда предложений от столичных театров, не суливших, впрочем, радужной перспективы для молодого артиста, опять-таки интуитивно выбрал "Сатирикон". Но...

Терпение — медицина бедных

ФОТО С. КАМОРЗИНОЙ

конце мая Виноградов из "Сатирикона" уходит. Почему?

— Сезон в "Сатириконе" я провел, играя 28 — 29 спектаклей в месяц. И к его финалу понял, что какой-то этап уже пройден — этап нормального репертуарного театра. Конечно же, было ощущение усталости — не физической только, но и внутренней изношенности. Потому что случались дни, когда я утром рычал и бежал в одних трусах в "Маугли", а через два часа начинал гримироваться, чтобы вечером выйти в сложнейшей роли Мадам в "Служанках". К тому же в этот момент меня познакомили с Виктюком, который обещал дальнейшую совместную работу, хотя и не со стопроцентной гарантией.

Виктюк, впрочем, не подвел и регулярно занимал Виноградова в новых спектаклях, в то время мгновенно ста-

новившихся шлягерами — "М.Баттерфляй", вновь "Служанки", "Лолита". Четыре года оглушительного успеха, аншлагов, популярности, престижных гастролей. Возможность попробовать себя в режиссуре. Итог? Виноградов вновь сжигает мосты, но на этот раз не имея в перспективе никакого запасного варианта. Да, конечно, случались в Театре Виктюка и конфликтные ситуации. Но где этого нет? И терпит актер, пьет на кухне водку "со слезой", закусывая меж тем куском хлеба с маслом, который стабильно гарантирован.

— *Нынешняя судьба актеров, особенно молодых, очень грустна. Свидетельством тому — мои однокурсники. Нас было 28 человек, реально в профессии осталось максимум шесть. Актер фантастически зависит от внешних условий — конкретного театра, удачи. Но еще раз повторю: терпение — медицина бедных. Если ты чего-то хочешь, надо рыть землю, причем именно в первые годы. Позже тебя уже одолевает тяжесть, уходят юный, бодрый задор, свежесть ощущений. И дальше подняться очень сложно. Надо брать все сразу, как только вступишь в эту сферу.*

Слова "все сразу", кстати, для Виноградова тоже имеют особый смысл. Для него абсолютно естественно с одинаковым рвением самому играть на сцене и режиссировать, писать инсценировки и выступать в качестве хореографа. В периоды неизбежных творческих пауз он ставил большие шоу-программы и пробовал себя в качестве телережиссера. Что-то удавалось, что-то не совсем, но репутацию он себе заработал. Репутация же, как известно, способствует востребованности: сегодня имя Виноградова встречается на афишах Тюза и "Сферы", Театра имени Моссовета и "Театра

Луны", его приглашали в Финляндию в качестве хореографа для бродвейского мюзикла, и не забывает кино. Он говорит, что уже который месяц спит по три часа в сутки и порой чувствует себя на пределе из-за непомерности нагрузок. А тут еще организация собственной "Театральной компании".

А дальше как раз и начинается самое интересное, потому что, если верить Сергею на слово, дело это — весьма своеобразное, необычное и отчасти тоже парадоксальное. Во всем — от названия до презренной финансовой прозы. "Компания" для него — это не товарный знак, не антреприза, не студия с ее подвальными "домашними радостями" и уж тем более не репертуарный театр со стабильной труппой. Но — "группа людей, которые очень многим связаны: целью, атмосферой, процессом, результатом и фантастически нежными человеческими отношениями".

Приветствуя работу "за интерес" и относясь к своим коллегам с искренним уважением и любовью, Виноградов одновременно прекрасно сознает, что не может гарантировать им не только "судьбы", но и финансовой независимости. И когда не столь давно у него случился конфликт с руководителем "Театра Луны" С.Прохановым, запретившим своим артистам, занятым у Виноградова в "Машеньке", дальнейшее сотрудничество с "Компанией" под угрозой увольнения, — догадайтесь сами, каков был их ответ. И эта, по выражению Сергея, "страсть артиста к столику в гримерке" ему вполне понятна, хотя он считает, что вряд ли стоит решать конфликты подобным способом.

Разговоров о "презренном металле" Виноградов старается избегать, хотя, казалось бы, с него-то и начинается лю-

бое новое дело. Но он и здесь умудрился пойти парадоксальным путем, затеяв "Компанию" практически без реального капитала.

— *Мы сознательно пошли на вариант бедного, но опрятного театра, в котором основные смысловые и зрелищные мотивы сконцентрированы на актерах, серьезной драматургии, хореографии, свете, то есть на тех вещах, которые требуют, скорее, человеческого вложения, а не финансового. И я рассчитываю на то, что с возникновением какого-то интереса к тому, что мы делаем, появится и более серьезная материальная поддержка.*

Может быть. Как, впрочем, может и не быть. Потому что, и Виноградов это понимает, в творчестве приходится идти на определенные компромиссы, ограничивая фантазию, корректируя идеи. Он и сам говорит, что ни "Машенька", ни "Коллекционер" не выражают того стиля, в котором ему хотелось бы работать, не определяют "лицо" коллектива. Но не будешь же ты это каждому возможному спонсору объяснять на пальцах. К тому же любое новое дело, уже по шаблону, принято начинать броско и ярко, со "звездами", что называется, шлягерно. Ну а уж потом... Виноградов вновь спорит.

— *Не люблю опускаться до плохого вкуса зрителя. Не понимаю, когда режиссеры, дабы обеспечить быстрый успех, берут похабень. Либо хорошо произведение, но ставят похабно: лишь бы всем было понятно, лишь бы пришли люди и весело похлопали в конце. Это абсолютно разрушительные вещи и не только для театрального процесса, но и для самого человека.*

И не то чтобы он в принципе отрицает коммерческие моменты и не стремится

к зрительскому успеху. Просто и здесь пытается свернуть с проторенной дорожки.

— *Пример с "Коллекционером" очень любопытен. Я попробовал сделать спектакль для всех: не вставая в позицию "чего изволите?", но и не заставляя публику вникать в мои сложные философские размышления о жизни. В результате получилось многослойное зрелище, где зритель любого культурного уровня находит свое. Вот эта стратегия мне ближе. Мне кажется, это единственная позиция, на которой можно совместить коммерческий и серьезный театры.*

Собственно, делать определенные выводы пока еще рано. А дальше? Как водится: планов много, денег мало. Виноградов надеется на поддержку Фонда Сороса, который, вероятно, сможет профинансировать хотя бы одну из многочисленных творческих заявок. Он прекрасно отдает себе отчет, что многое будет зависеть и от собственной творческой самостоятельности, и от того, сможет ли "Компания" обрести своего зрителя и "прозвучать" в нынешней театральной ситуации, да и от умелого ведения организационных дел. Он обещает сохранить высокий драматургический уровень, но не превратиться в "литературный театр", а, наоборот, если позволят средства, вплотную заняться стилем и зрелищными моментами.

— *Меня очень пугают те изменения, что происходят с творческими людьми, и то, в каком состоянии пребывает сегодня театральный процесс. Я понимаю: настало такое время, что мы, я имею в виду наше поколение 30 — 35-летних, не имеем права не высказываться. При тотальном дефиците поступков в театре нельзя молчать. Ведь через десять лет именно наше поколение будет определять театральный ситуацию в целом, хотим мы того или нет. Но чтобы это произошло достойно, поступки надо совершать уже сегодня.*